

УДК 9(947+957)
DOI: 10.17223/19988613/71/5

О.Н. Науменко, Е.А. Науменко

ДВОРЯНЕ МАЛОРОССИИ НА СИБИРСКОЙ КАТОРГЕ В НАЧАЛЕ XIX в.: К ВОПРОСУ О НАСТОЯЩЕМ И МНИМОМ СЕПАРАТИЗМЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Ямало-Ненецкого автономного округа в рамках научного проекта № 19-49-890002.

На основе архивных материалов рассматривается положение каторжан дворянского происхождения из Малороссии, находившихся в учреждениях сибирской пенитенциарной системы при Александре I и осужденных по сфабрикованным уголовным делам для незаконного изъятия их имений со стороны коррумпированных представителей российской наместнической власти. Характеризуются особенности содержания и правовой статус арестантов, их попытки восстановить справедливость, а также вмешательство императора в решение этого вопроса.
Ключевые слова: Малороссия; пенитенциарная система; Сибирь; тюрьма; каторга.

Современные отношения России и Украины, проявляющиеся в целом спектре явлений – от культурно-духовных противоречий до политических проблем и взаимных экономических санкций, отразившихся даже на состоянии сырьевых рынков [1], продолжают заходить в тупик. Корни этого процесса имеют исторические предпосылки, в том числе связанные с законностью и механизмом применения к населению Малороссии сибирской каторги и ссылки: некоторые истории прошлых веков умело используются политиками для осложнения отношений между народами. Между тем сибирские архивы зафиксировали факты сложнейших процессов, действительно способных оттолкнуть население Малороссии от России. Анализ ряда историй является достаточно убедительным для понимания некоторых глубинных причин политического разрыва, так как отдельные коррумпированные представители российских наместнических властей в Малороссии создали для этого почву.

Проблема уголовного наказания представителей Малороссии по основаниям сепаратизма пока не стала предметом отдельного научного исследования, также отсутствуют специальные работы по условиям их содержания в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири. В статьях К.Д. Гусева [2], С.И. Дегтярева [3], Н.И. Краснякова [4], Р.В. Устинова [5], С.В. Кодана и С.А. Февралёва [6] и ряда иных авторов рассмотрено становление системы управления и нормативной базы Малороссии в условиях Российской империи с акцентом на плодотворную работу Министерства юстиции, однако механизм реализации законодательных предписаний, в том числе в условиях коррумпированности местной власти, не рассмотрен, в том время как коррупция коренным образом меняет ситуацию в сфере применения права. В то же время не только украинскими, но и российскими исследователями замечены факты сепаратизма Малороссии, участие ее жителей в антироссийских восстаниях, протесты против российской государственной власти [7–9 и др.]. Докумен-

ты Тобольского архива зафиксировали интересные уголовные дела, иллюстрирующие причины таких протестов и позволяющие глубже понять корни российско-украинских противоречий в настоящее время.

В XIX в. идеологическую основу Российского государства составляла «Теория официальной народности», провозглашенная в 1832 г., но имеющая глубокие исторические корни в духовной культуре общества; официальная идеология лишь формализовала уже действовавшие основания Российской государственности. Для сохранения и укрепления трех ее незыблемых компонентов – самодержавия, православия и народности – немаловажное значение отводилось пенитенциарной системе: наиболее значимыми преступлениями считались деяния против церкви, государства и личности. Отдельным направлением во внутренней политике России было стремление сохранить имперское влияние на национальные окраины, так как территориальное и политическое единство страны было основой стабильности православия и самодержавия. Проблема сепаратизма стала актуальной в первой половине XIX в., когда в состав Российской империи вошли бессарабские, кавказские, польские, среднеазиатские, финские и другие земли.

Пенитенциарная система Сибири состояла из разветвленной сети учреждений, предназначенных для отбывания тюремного заключения, каторги и ссылки; кроме уголовных преступников, она предназначалась для представителей всех национальных окраин России: регион принимал сепаратистов с Кавказа и из Средней Азии, Прибалтики, Малороссии, Польши и других регионов. Как правило, они прибывали в Сибирь с приговорами «за участие в бунте и за измену». В частности, в 1811 г. среди таких ссыльных была группа княжеской элиты Кавказа, в 1812 г. – 33 грузинских царевича, участники Кахетинского восстания, в 1814 г. – 4 астраханских хана и др. [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 671. Л. 5–7, 25]. Среди ссыльных сепаратистов встречались представители западных регионов Российской империи,

населенных славянами: с территории Западного Края (Виленская, Волынская, Гродненская, Ковенская губернии), Малороссии (Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская губернии), Западной части Белоруссии, Бессарабии и Польши. Для большинства из них русский язык являлся родным, хотя присутствовал и местный диалект. Как правило, они принадлежали к православному или греко-католическому вероисповеданию. Для многих из них была характерна потеря русских фамилий, что свидетельствует о некоторой аккультурации в условиях Запада.

Положение этой группы ссыльных в условиях сибирской пенитенциарной системы отличалось некоторыми особенностями. Прежде всего, из российской идеологии следовало, что русское население западных регионов империи не может выступать против центральной власти с сепаратистскими настроениями, а православный характер государства не позволял вести с ними открытую борьбу. Чтобы скрыть действительные причины гонений, замеченные в сепаратизме нередко высылались в Сибирь по ложным уголовным приговорам. Кроме этого, встречались случаи настоящего произвола по отношению к ним со стороны российских наместнических властей, примером чего является следующее дело.

В 1806 г. из Малороссии в Тобольский тюремный острог поступил «секретный» арестант Михайло Любич-Побож православного вероисповедания, в совершенстве владеющий русским языком. Тюремной охране было приказано, чтобы «ни под каким предлогом к содержащемуся в остроге Любичу-Побоже из сторонних людей никто не приходил, и не имел бы он с прочими колодниками сообщений» [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 528. Л. 3]. Любич был тайно привезен в Тобольск и помещен отдельно от других арестантов; официально он значился опасным уголовным преступником, а список его преступлений насчитывал серию грабежей и насилий. Он прошел Нерчинскую каторгу, Иркутскую и Якутскую ссылку, которая была прервана помещением в Тобольский тюремный острог для начала следствия по новому делу.

Находясь на каторге и в ссылке, Михайло Любич называл себя дворянином Малороссии, у которого российские наместнические власти незаконно отобрали имение стоимостью 5 тыс. руб., таким способом спровоцировав его на возмущение против российской власти. Любич был арестован, на основе сомнительных доказательств обвинен в тяжких уголовных преступлениях и, лишенный дворянского звания, отправлен на каторгу в Сибирь. Находясь на поселении в Иркутской губернии, он начал протестовать, когда «губернатор Иркутска хотел сделать его хлебопашцем», и требовал установления истины и наказания виновных в его злключениях» [Там же. Л. 4]. В Тобольск Любича доставили для того, чтобы с применением пытки выяснить обстоятельства рассказанной им истории, однако и под пыткой он был непоколебим в своих утверждениях. Будучи хорошо образованным человеком, он писал в вышестоящие инстанции о служебных злоупотреблениях в Сибири, но эти сведения признавались ложными; по своему делу обращался

к министру юстиции князю Лопухину, но просьбу «соизволили оставить без участия»; с разрешения губернского правления написал императору, однако его прошение не дошло до адресата, так как не было переправлено на почту из стен тюрьмы. В результате Михайло Любич, мотивируя тем, что он не преступник и не колодник, а дворянин, отказался получать назначенные ему 2 коп. в день и объявил голодовку» [Там же. Л. 5].

Лишь после актов сопротивления Тобольские губернские власти сделали запрос в Черниговское наместническое правление (которое Любич и обвинял в злоупотреблениях) о дворянском звании арестанта и незаконном лишении его имения, но подтверждения, естественно, не получили. Несмотря на это, «секретному» арестанту были увеличены кормовые деньги с 2 до 5 коп. в сутки, что означало фактическое признание его дворянского происхождения. Он получил разрешение заниматься починкой часов и, оказавшись хорошим мастером, имел дополнительный заработок. Помимо этого, ему предоставили эксклюзивное право принимать в своей «секретной камере» гостей, и его регулярно навещали две тоболячки, принося домашнюю еду и деньги за ремонт часов, а также «задерживаясь в гостях за чашкой чая на несколько часов» [Там же. Л. 12]. На этом послабления закончились, и пересматривать дело М. Любича никто не собирался.

История «секретного арестанта» получила продолжение в уголовном процессе над другим заключенным: в 1807 г. Любич организовал побег еще одной жертве российских наместнических властей в Малороссии, дворянину Андрею Алымову, осужденному по подобному делу, также потерявшему свое имение и титул и отправленному на каторгу в Иркутскую губернию. Как и Любич, он писал о совершившемся беззаконии во все инстанции, но не получал ответа, поэтому решил на побег в Санкт-Петербург, надеясь на прием у императора. В г. Шадринске Пермской губернии А. Алымов был схвачен и «по мучительным расспросам» (то есть под пыткой) признался, что является беглым каторжником, после чего был наказан плетью и отправлен на место отбывания каторги. Однако, следуя в Иркутск, он опять попытался сбежать и для выяснения обстоятельств дела был помещен в «секретную» камеру Тобольского тюремного острога» [Там же. Л. 26].

Как убедился М. Любич, в условиях сибирской каторги законные способы поиска правды являлись неэффективными, поэтому при помощи тоболячек он раздобыл для А. Алымова фиктивный паспорт, смог обмануть охранника и обеспечил другу очередной, на этот раз успешный, побег в Санкт-Петербург. А. Алымов был принят Александром I; после разбирательства пострадавшим были возвращены титулы и имения, а местные чиновники оказались в сложном положении, пытаясь оправдаться перед центральной властью за бездействие в защите прав русских дворян, незаконно приговоренных к каторге» [Там же. Л. 29]. Началась ревизия деятельности Тобольских губернских учреждений; впоследствии М.М. Сперанский, став очередным ревизором работы сибирских чиновников

и посетив Иркутскую губернию, где отбывали каторгу М. Любич-Побож и А. Алымов, изрек свою знаменитую фразу: «Если в Тобольске я отдал бы всех под суд... то здесь оставалось бы их только повесить» [11].

Несмотря на благополучное завершение дела, жизнь двух дворян из Малороссии была в корне изменена: в Сибири они испытали на себе инквизиционный характер сибирских тюрем начала XIX в., забыть который было невозможно. Обращает на себя внимание несколько особенностей содержания арестантов в Сибири.

Во-первых, для получения признания в тюрьмах применялись пытки, официально запрещенные в 1801 г., но практиковавшиеся до середины XIX в. [12. С. 64]. Оба «секретных» арестанта – М. Любич-Побож и А. Алымов – были подвергнуты этой экзекуции согласно общему правилу: пытка проводилась трижды; если арестант выдерживал, то признавался невиновным. Как показывает история М. Любича, выдержавшего пытку, его не освободили, а лишь «оставили в подозрении». Таким образом, для осужденного арестанта не было смысла в этой экзекуции, так как в его положении ничего не менялось. Выдерживать мучения имело смысл лишь для подсудимых. В частности, в 1801–1911 гг. на территории Западной Сибири было совершено 47 убийств, и виновные были установлены только в 11 случаях, – это сознавшие в преступлении под пыткой. Остальные были оставлены «в подозрении», что означало новое привлечение суду через какое-то время, но давало временную передышку [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 301. С. 1–112]. В 1819 г. Томская администрация отмечала, что поступает множество жалоб на местного городничего, который для признания вины истязал подозреваемых по ночам. Не выдержав пыток, один из подсудимых попытался покончить жизнь самоубийством [13. Ф. 2. Оп. 1. Д. 357. Л. 1].

Во-вторых, А. Алымов после неудачного побега по решению суда был подвергнут телесному наказанию плетью. Сохранилось свидетельство очевидца, что кнут – «это мучительное орудие, которое раздирает человеческое тело, отрывает мясо от костей, мечет по воздуху кровавые брызги и потоками крови обливает тело человека; мучение, лютейшее из всех других известных, ибо все другие, сколь бы болезненными они ни были, всегда бывают менее продолжительными, тогда как для двадцати ударов кнутом потребен целый час, и когда известно, что при многочислиии ударов мучение несчастного преступника, иногда невинного, продолжается от восходящего до заходящего солнца» [14. С. 88]. Кнут имел несколько концов: в Тобольске обычно заготавливалось восемь ремней, но существовали кнуты с 16 концами, на которые прикреплялись куски металла, раздирающие тело [10. Ф. 1. Оп. 1. Д. 574. Л. 2]. В начале XIX в. в судебных приговорах не указывалось число ударов, и палач определял их произвольно, ориентируясь на выживаемость осужденного [Там же. Д. 616. Л. 2]. Иногда жертва умирала, и приговор к наказанию плетью завуалировано означал смертную казнь. Наказание проводилось публично и имело целью устрашение. 24 января 1924 г. Государственный Совет постановил: «Если преступление совершено в разных городах, то для наказания

выбирать тот город, который многолюднее прочих» [Там же. Л. 12]. До введения в 1846 г. «кобылки» – специального приспособления для фиксации осужденного – при наказании плетью его держали местные жители [Там же. Л. 2].

В-третьих, в документах на М. Любича и А. Алымова ничего не сказано об их клеймении, но это проводилось автоматически по уголовным статьям, к которым они были приговорены. Вариантов клеймения было множество, иногда клейма ставились на лице, но в случае с дворянами из Малороссии более вероятным было выжигание букв «Б» или «СК». Такие клейма («знаки бесчестия») ставились на правой руке ниже локтя и означали «беглый» и «ссылный каторжник» [Там же. Д. 647. Л. 125].

В-четвертых, статус «секретных» арестантов предполагал ряд ограничений, не применявшихся к обычным узникам. В рассматриваемый период в «секретных» камерах по решению суда практиковалось приковывание арестантов к стене на 5 и 10 лет, после чего они переводились на пожизненное заключение с «вечным ношением ножных кандалов» [Там же. Ф. 20. Оп. 1. Д. 9. Л. 82]. Помимо иных тяжких преступлений, это наказание применялось за побег с каторги, что осуществил А. Алымов. Длина и тяжесть цепи, а также иные условия содержания «цепных» произвольно определялись администрацией тюрем, так как отсутствовала нормативная документация. Только в середине XIX в. Сенат вынес решение, уточняющее и смягчающее применение данного вида наказания: «Железные кольца, на которых крепится цепь, вделывать в стене близ самого пола, дабы цепи, идущие от них, не тяготили собой преступников. К сиим кольцам прикреплять цепь длиною в три аршина, звенья цепи должны быть такой же толщины, как в ножных кандалах, а обруч, налагаемый на преступника, обшит кожей» [Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 252. Л. 75]. Цепь крепилась к ноге арестанта, а тюремное начальство получило право переносить ее в случае необходимости на другую ногу. Нередко на прикованных надевали «лису» – железный лист весом 1,5 пуда. «Лиса» крепилась к рукам, чтобы «цепной» не мог передвигаться по своей камере [15. С. 215].

Прикованные к стене получали только нижнее белье и более скудную пищу: в сутки 2,5 фунта хлеба и воду, поэтому их содержание обходилось дешевле. Одежда им была не нужна, так как в течение нескольких лет их не выводили на прогулку. Им могли отказать в исповеди и причастии, а в случае формальных обстоятельств у них не было шанса спастись: например, в 1847 г. все «цепные» погибли при пожаре в одном из деревянных острогов Томской губернии [13. Ф. 15. Оп. 1. Д. 36. Л. 14].

Клеймение и «посаждение на цепь» в Сибири не применялись в отношении узников из привилегированных сословий, но относительно М. Любича и А. Алымова закон был нарушен: из Малороссии не поступило документов об их дворянском происхождении, а на запрос из Тобольска пришел подложный ответ. Поэтому формально на арестантов должны были распространяться общие правила. Кроме рассмотренных условий,

ссылные дворяне могли следовать в Сибирь на подводах (осужденные из непривилегированных сословий двигались пешком). Однако от происхождения не зависели вид и тяжесть кандалов и другие формы сковывания каторжан.

До 1820-х гг. во избежание побегов арестантов приковывали к тяжелым деревянным колодам весом 1,5 пуда; колодки также надевались на шею, руки и ноги. На время пути в Сибирь, а также при отбывании каторги на осужденных надевали ножные и ручные кандалы. В начале XIX в. фиксированный вес кандалов отсутствовал, существовали только рекомендации и сложившаяся практика. Только в 1822 г. Александр I издал указ, согласно которому законодательно определялся вес кандалов: не менее 5 и не более 5,5 фунтов, при этом женщины освобождались от ножных кандалов, а дети – от всех [10. Ф. 329. Оп. 13. Д. 780. Л. 40].

Рассмотренные истории М. Любича и А. Алымова стали известны лишь по причине участия в их судьбах российских императора. Остальные невинно пострадавшие или настоящие сепаратисты, прибывавшие в Сибирь преимущественно с поляками, надолго оставались в сибирских тюрьмах. После отбывания каторги или тюремного срока они переводились на поселение, при-

писываясь к крестьянскому сословию и пытаясь адаптироваться к новой для себя жизни. Не удивительно, что после прохождения всех «кругов ада» сибирской пенитенциарной системы они становились значительно большими сепаратистами, чем были когда-то на родине.

Судьбы других ссылных из западных регионов Российской империи сложились по-разному. Участники польских восстаний как политические ссылные через несколько лет вернулись домой, а осужденные по уголовным статьям остались в Сибири навсегда и были ассимилированы местным населением. Часть ссылных испытывала на себе политику «подавления» [16] или «исправления» [17, 18], но во всех случаях речь шла о сложной и неповоротливой государственной системе, неспособной урегулировать возникавшие противоречия. Таким образом, пенитенциарная политика России отталкивала от государства и общества определенную часть славянского населения, проживавшего в национальных окраинах страны. Их незащищенность перед коррумпированной властью, встречавшейся как в Малороссии, так и в Сибири, приводила к разочарованию и изменению их государственных ориентиров, что не могло не отразиться на последующих отношениях России с Украиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bogomolova L.L. Development of the Government Support for Import Substitution in Small and Medium Enterprises of Northern regions // Polish Journal of Management Studies. Serially publication of Faculty of Management, Czestochowa University of Technology. 2016. Vol. 13, № 2. P. 2–18.
2. Гусев К.Д. Малороссия: проблемные вопросы от начальной истории до 1654 г. // Голос минувшего : кубанский исторический журнал. 2015. № 3–4. С. 14–25.
3. Дегтярев С.И. Унификация бюрократических систем Бессарабии и Малороссии в период их интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – первой трети XIX в. // Русин. 2014. № 1 (35). С. 91–104.
4. Красняков Н.И. Динамика административно-территориального автономизма Малороссии в государственном управлении Российской империи (середина XVII – середина XVIII века) // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14, № 1. С. 18–28.
5. Устинов Р.В. Деятельность Министерства юстиции Российской империи по обустройству и развитию территории Малороссии и Новороссии (в начале – середине XIX в.) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66). С. 171–177.
6. Кодан С.В., Февралев С.А. Состояние, развитие и унификация местного права Малороссии и западных губерний (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 5. С. 268–295.
7. Terliuk I. Formation and Development of the Native Political and Legal Thought Conception of Ukraine as Malorussia (the Origins of Russian Imperial Ideology) // Вестник Национального университета «Львовская политехника». Сер. Юридические науки. 2014. № 782 (1). С. 141–146.
8. Ананьев С.В. Украинский аспект польского восстания 1863 года: забытые уроки прошлого // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 3. № 1 (76). С. 150–154.
9. Naumenko E.A. The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia // Былые годы : российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1158–1163.
10. Бюджетное государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске.
11. Ревизия Сперанского в Сибири // Новая университетская жизнь. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502> (дата обращения: 24.06.2016).
12. Бортникова О.Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. Тюмень : Изд-во Тюмен. юрид. ин-та МВД РФ, 1999. 304 с.
13. Государственный архив Омской области.
14. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1951. Т. 1. 357 с.
15. Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб. : Типо-лит. Н. Стефанова, 1891. 377 с.
16. Sungurov P.A. Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early XX century // HISTORIA 396. 2018. № 1. P. 261–276.
17. Науменко О.Н., Науменко Е.А. «Синдром Брейвика» в Тобольском тюремном замке // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 198–208.
18. Naumenko O.N. The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4) С. 1087–1093.

Olga N. Naumenko, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian federation). E-mail: oolgan@mail.ru

Evgeniy A. Naumenko, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russian federation). E-mail: hea2004@mail.ru

THE NOBLES OF MALOROSSIA IN THE SIBERIAN PENAL SERVITUDE AT THE BEGINNING OF XIX CENTURY: THE QUESTION OF THE PRESENT AND IMAGINARY SEPARATISM

Keywords: Malorossia; penitentiary system; Siberia; prison; penal servitude.

The purpose of the study is to examine the causes, conditions and consequences of serving a penal servitude of nobles of the Malorossia in the conditions of strengthening of the Russian vicegerent of power at the beginning of XIX century. Sources of research are the materials Tyumen (in Tobolsk) and Omsk State archives. The relevance of the topic is the problem of relations between Russia and Ukraine at the present time; this problem has historical background. At the beginning of the XIX century the new territories became part of the Russian Empire. Part of the population of these territories (mostly privileged classes) did not agree to submit to the Russian authorities.

The government began to actively use Siberian penal servitude and exile to punish separatism. Law enforcement agencies arrested and sent many representatives of the privileged classes to Siberia: they were Georgian princes, Astrakhan khans, Polish nobles and others. Some of the exiles came to Siberia from the Ukraine (Malorossia). The history of two such convicts of noble origin is considered in the article; these exiles served a criminal sentence on false criminal sentences. Local authorities considered them dangerous criminals, the list of their crimes included a lot of robberies and violence according to official documents. They served a long term in prisons in Nerchinsk, Tobolsk, Irkutsk and Yakut exile. However, these nobles were not separatists or criminals in reality, in different years the court sentenced these nobles to hard labor for crimes they did not commit. The reason for such sentences was the desire of corrupt Russian officials to take away land and houses from the nobles of Malorossia. Officials accused them of separatism or criminal offenses, sent to Siberia and appropriated their manors. In Siberia, the fate of such exiles developed tragically, they had no opportunity to prove their innocence. After the hard labor of such prisoners, who was exiled, the terms of reference was life, contacts with relatives and friends were torn apart. Attempts of escapes came to an end with new punishment, including tortures, branding, chaining to a wall on a chain, etc. Exiled nobles were educated people and knew the legislation. They wrote complaints to the Russian Emperor, but the letters did not reach the Tsar from Siberian prisons, as the prison administration was on the side of Russian officials of Malorossia. Exiled nobles were able to change the situation only by a successful escape, when one of them was able to get to St.-Petersburg and got to the reception to the Emperor Alexander I. The Tsar intervened in the situation and the nobles were acquitted and got their estates back. However, this story became known thanks to the help of the Emperor, and the number of other such cases is unknown. Such stories characterize the methods of the Russian punitive system and corrupt authorities. They became one of the reasons of the real separatism.

REFERENCES

1. Bogomolova, L.L. (2016) Development of the Government Support for Import Substitution in Small and Medium Enterprises of Northern regions. *Polish Journal of Management Studies*. 13(2). pp. 2–18. DOI: 10.17512/pjms.2016.13.2.02
2. Gusev, K.D. (2015) Malorossiya: problemnye voprosy ot nachal'noy istorii do 1654 g. [Little Russia: issues from the early history to 1654]. *Golos minuvshogo: kubanskiy istoricheskiy zhurnal*. 3-4. pp. 14–25.
3. Degtyarev, S.I. (2014) Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late 18th – first third of the 19th century. *Rusin*. 1(35). pp. 91–104. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/8
4. Krasnyakov, N.I. (2018) Dinamika administrativno-territorial'nogo avtonomizma Malorossii v gosudarstvennom upravlenii Rossiyskoy imperii (seredina XVII – seredina XVIII veka) [Dynamics of the administrative-territorial autonomy of Little Russia in the state administration of the Russian Empire (mid-17th – mid-18th century)]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 14(1). pp. 18–28. DOI: 10.25205/2542-0410-2018-14-1-18-28
5. Ustinov, R.V. (2015) Deyatel'nost' Ministerstva yustitsii Rossiyskoy imperii po obustroystvu i razvitiyu territorii Malorossii i Novorossii (v nachale – seredine XIX v.) [Activities of the Ministry of Justice of the Russian Empire on the arrangement and development of the territory of Little Russia and Novorossia (in the early – mid-19th century)]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN – News of the Kabardin-Balkar scientific center of RAS*. 4(66). pp. 171–177.
6. Kodan, S.V. & Fevralev, S.A. (2013) Sostoyanie, razvitie i unifikatsiya mestnogo prava Malorossii i zapadnykh guberniy (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XIX vv.) [State, development and unification of local law in Little Russia and the western provinces (second half of the 17th – first half of the 19th centuries)]. *NB: voprosy prava i politiki*. 5. pp. 268–295.
7. Terliuk, I. (2014) Formation and Development of the Native Political and Legal Thought Conception of Ukraine as Malorussia (the Origins of Russian Imperial Ideology). *Vestnik Natsional'nogo universiteta "Lvovskaya politekhnika". Ser. Yuridicheskie nauki*. 782(1). pp. 141–146.
8. Ananiev, S.V. (2014) Ukrainian aspect in the Polish Uprising in 1863: Forgotten lesson of the past. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 3(76). pp. 150–154. (In Russian).
9. Naumenko, E.A. (2016) The Technologies of Lie in Local Cultures of Western Siberia. *Bylye gody: rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 42(4). pp. 1158–1163. (In Russian).
10. The Tyumen Region State Archives in Tobolsk.
11. Gergilev, D.N. (n.d.) *Reviziya Speranskogo v Sibiri* [Revision of Speransky in Siberia]. [Online] Available from: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/3502> (Accessed: 24th June 2016).
12. Bortnikova, O.N. (1999) *Sibir' tyuremnaya: penitentsiarnaya sistema Zapadnoy Sibiri v 1801–1917 gg.* [The Prisonous Siberia: the penitentiary system of Western Siberia in 1801–1917]. Tyumen: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
13. The State Archives of Omsk Region.
14. Gernet, M.N. (1951) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [The history of the tsarist prison: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
15. Maksimov, S.V. (1891) *Sibir' i katorga* [Siberia and Katorga]. St. Petersburg: N. Stefanov.
16. Sungurov, P.A. (2018) Tobolsk Governorate exile (tsarist Russia): Origination and status in the early 20th century. *HISTORIA* 396. 1. pp. 261–276.
17. Naumenko, O.N. & Naumenko, E.A. (2017) “Breivik’s syndrome” in the Tobolsk prison castle. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 3(20). pp. 198–208. (In Russian).
18. Naumenko, O.N. (2016) The Historical Destiny of the Romanovs in the Evolution of the Tobolsk Prison Castle. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*. 42(4) pp. 1087–1093. (In Russian).